

УДК 27-725:94(438)"1921–1939"

Н. В. Самосюк

Православное духовенство в контексте социокультурных стереотипов польского общества (1921–1939 гг.)

Раскрывается специфика социокультурных стереотипов административных властей по отношению к православным священникам межвоенного периода. Анализ материалов личных дел православного духовенства позволяет сделать вывод, что административные власти воспринимали православных священников русификаторами и монархистами, склонными к взиманию чрезмерных поборов с православного населения, а также систематически злоупотребляющих алкоголем. Автор обосновывает, что стереотипы польской общественности относительно православного духовенства в большинстве случаев не соответствовали действительности. Выявленные факты свидетельствуют, что административные власти намеренно распространяли негативную информацию о православных священнослужителях, чтобы их дискредитировать в восприятии общественности, так как Православная церковь воспринималась как потенциально враждебный польской государственности духовный и социокультурный институт.

Ключевые слова: православное духовенство, социокультурные стереотипы, административные власти, русификация, монархизм, стяжательство, польская общественность, межвоенный период.

N. Samosyuk

Orthodox Clergy in the Context of Social and Cultural Stereotypes of Polish Society (1921–1939)

The article reveals the specifics of social and cultural stereotypes of administrative authorities in relation to Orthodox priests of the interwar period. An analysis of the personal files of Orthodox clergy allows us to conclude that the administrative authorities perceived Orthodox priests as Russifiers and monarchists, prone to collecting excessive taxes from the Orthodox population, and systematically abusing alcohol. The author substantiates that the stereotypes of the Polish public regarding the Orthodox clergy in most cases did not correspond to reality. The revealed facts indicate that the administrative authorities deliberately disseminated negative information about Orthodox clergy in order to discredit them in the public perception, since the Orthodox Church was perceived as a spiritual and socio-cultural institution potentially hostile to Polish statehood.

Keywords: Orthodox clergy, social and cultural stereotypes, administrative authorities, Russification, monarchism, greed, Polish public, interwar period.

В возрожденном польском государстве главенствующее положение занимала Католическая церковь, сыгравшая огромную роль в формировании польской национальной идентичности. Польское государство за

счет войн значительно расширило свои границы и захватило земли, где проживали другие славянские этносы. В их числе оказались и белорусы, большая часть которых в конфессиональном отношении принадлежала Православной церкви. Православное духовенство на территории Западной Беларуси имело высокий социокультурный статус.

В самоназвании возрожденного государства – Вторая Речь Посполитая – подчеркнута преемственность с существовавшим в 1569–1795 гг. многонациональным и многоконфессиональным государством. Однако процессы национально-культурной идентификации среди славянских народов интенсифицировались в конце XIX – начале XX в., и развивающиеся нации стремились получить самостоятельность. Польская общественность в отношении православного населения Западной Беларуси жила стереотипами прошлого. Административные власти, используя устаревшие штампы, стремились представить православных священнослужителей недостаточно образованными, дискредитируя в целом духовное образование, полученное в семинарии или академии.

Специфика взаимоотношений польского государства и Православной церкви в межвоенный период изучалась как белорусскими [8; 11], так и польскими исследователями [12; 13]. Особое внимание проблеме притеснений со стороны административных властей по отношению к православию в целом, в том числе к православным священнослужителям, уделяется в работах церковных историков [9; 10]. Однако проблема социокультурных стереотипов польского общества по отношению к православному духовенству в отечественной культурологии поднимается впервые. Источниками для написания статьи являются архивные материалы личных дел православных священников [2–6].

Одним из первых обратил внимание на причины существования и механизмы порождения стереотипов американский социолог, журналист и политический деятель Уолтер Липпман. Он выявил, что стереотип формируется как способ экономии интеллектуальных усилий, может выступать в качестве механизма защиты при взаимодействии представителей различных культур, а также имеет эмоциональную окрашенность [7, с. 91–174].

Цель статьи – раскрыть специфику социокультурных предубеждений польских административных властей по отношению к православному духовенству в Западной Беларуси в межвоенный период.

Православных священников польские административные власти воспринимали как религиозных деятелей, преследовавших цель *русификации* православного населения. Кобринский поветовый староста, характеризуя настоятеля кобринского собора Симеона Бегалловича, который в большинстве документов фигурировал как лояльный по отношению к польской государственности священник, отмечал, что он «менее вреден, чем другие священнослужители» [4, л. 13].

Польскими властями и общественностью был сформирован образ православного священника: «Православные священнослужители, которые в период Российской империи поддерживали и расширяли православие, сейчас потеряли поддержку в русификаторской деятельности, исполняют свои обязанности исключительно как способ заработка» [4, л. 13]. В восприятии польского чиновника православие и русификация были неотделимы друг от друга.

В действительности церковное руководство признало глубину социокультурных изменений, вызванных военными и революционными событиями, и одобрило введение родных языков в церковную жизнь [8]. До принятия автокефалии Православной церковью в Польше (1925), приходы Западной Беларуси относились к Русской православной церкви. В начале XX в. наметилась тенденция к переосмыслению населением своей этнонациональной принадлежности. В период, когда церковная централизация была ослаблена, активизировались национально-церковные движения. При этом важно отметить, что на территории Западной Беларуси среди православного духовенства и населения звучали призывы не только к белорусизации [Там же, с. 31–65], но и украинизации Церкви [Там же, с. 97–121]. В частности, представители духовенства Полесской епархии были вовлечены в украинское национально-церковное движение. Можно сделать вывод, что признание церковным руководством возможности использования родных языков населения в церковной жизни, а также участие духовенства в деятельности белорусского и украинского национально-церковных движений, противоречило утверждению властей о русификации населения Западной Беларуси со стороны Православной церкви. Более того, польские административные власти с подозрением относились к священникам, участвовавшим в белорусском и украинском национально-церковных движениях.

В русификаторской деятельности можно было обвинить священников, бежавших из Советского Союза. Действительно на территории Западной Беларуси на протяжении межвоенного периода оказывались священники, бежавшие от гонений со стороны советских властей. Многие из них имели друзей и родственников в Западной Беларуси и стремились получить приход, чтобы продолжить священство. Однако административные власти этому всячески препятствовали. Не только воевода, но и староста имел полномочия к тому, чтобы выдворить из подведомственной ему территории эмигранта, казавшегося подозрительным, без объяснения причин. Кроме того, любое церковное назначение должно было утверждаться воеводой. В этой связи даже немногочисленные священники, выходцы из Советской России, священствовавшие в Западной Беларуси, были отправлены за штат. В качестве примера можно привести судьбу священника-эмигранта Питирима Баклановича. Церковные власти поручали отцу Питириму приходы, в которых нужно было при-

ложить значительные усилия для восстановления нормальной церковной жизни, чтобы сплотить прихожан. Питирим Бакланович с поставленными задачами справлялся блестяще и успел побывать настоятелем в 4 приходах Полесской епархии. Даже при несомненных заслугах перед Церковью в 1931 г. он был уволен за штат [3, л. 17–18].

Доводы административных властей о деятельности православных священников в русификационном русле основывались на личных культурных предпочтениях последних, которые были обусловлены образованием и воспитанием в дореволюционных духовных заведениях. Значительная часть православного духовенства в повседневной жизни, а также общении с прихожанами, наряду с местными диалектами действительно использовала русский язык [2, л. 14]. Уже в 30-е гг. XX в. административные власти требовали повсеместного использования в церковной жизни польского языка. Духовенству ставилось в обязанность не только общаться с административными властями, но и использовать польский язык в повседневном общении, в том числе в своей семье. Однако это требование являлось неосуществимым, так как даже молодое поколение священнослужителей, получивших образование на богословском факультете Варшавского университета, не всегда использовало польский язык, которым владело в совершенстве, в своей деятельности.

В Российской империи Русская православная церковь являлась опорой *монархии*. Вступление каждого нового императора на престол сопровождалось помазанием на царство. Церковь в соответствии с выработанным еще в Московском княжестве ритуалом, который восходит к ветхозаветным традициям, а также характерен для католицизма и англиканства, освящала монархию. Действительно имело место подчинение церковной власти светской, и священнослужители в Российской империи в начале XX в. являлись по своему статусу чиновниками духовного ведомства. Это обстоятельство тяготило Русскую православную церковь, и ее лучшие умы стремились к тому, чтобы она была в первую очередь духовным центром. В результате революционных движений падение монархии привело к переосмыслению роли Церкви в обществе. Вопросы восстановления патриаршества, как и существенных изменений в положении православного духовенства, обсуждались в ходе дискуссий представителей духовенства и мирян на поместном соборе, проходившем в Москве в 1917–1918 гг., где присутствовали и представители Западной Беларуси. В частности, будущий лидер белорусского национально-церковного движения В. В. Богданович, который пытался защищать Православную церковь от притеснений польских властей [1, с. 123–147]. В этой связи можно резюмировать, что православное духовенство осознавало и поддерживало необходимость изменений в церковной жизни, в том числе в контексте взаимоотношений с государством.

Идеализация монархической власти не была характерна для мировоззрения большинства духовенства Западной Беларуси. Священнослужители вопреки предубеждениям были людьми образованными, интересовались политикой. Вместе с тем епископы и благочинные регулярно в распоряжениях напоминали духовенству, что церковный амвон не должен являться местом для политической агитации. Однако польские власти в характеристиках на православных священников в отношении политических идеалов указывали *монархизм*, что отражало проявление стереотипности мышления чиновников. В монархизме можно было подозревать любого священнослужителя, который начинал свою деятельность в Российской империи. В частности, Симеон Бегаллович, несмотря на преклонный возраст, был на контроле у воеводских властей как монархист. В вину ставилось то, что он в предшествующий период боролся с польскими нелегальными школами в Кобрине и сотрудничал с черносотенцами. Однако обвинения основывались на показаниях двух свидетельниц, одна из которых позиционировала себя руководительницей тайной польской школы. Весомых оснований для привлечения Симеона Бегалловича к ответственности в ходе тщательного расследования выявлено не было [4, л. 29].

В среде польской общественности существовало предубеждение о *стяжательстве* православных священников, которые взимали чрезмерную плату за исполнение обрядов. В частности, настоятель собора в г. Кобрине Симеон Бегаллович был обвинен в пороке стяжательства. Ему приписывали, что он установил правило, в соответствии с которым право исповедаться первыми имели те, кто платил больше [Там же, л. 14]. Эти обвинения в адрес отца Симеона не подтверждены фактами, но польские власти воспользовались ситуацией, чтобы поставить на вид православного священника. Подобные случаи иногда рассматривались поветовыми старостами как подтверждение того, что духовенство обманывает своих прихожан в материальных вопросах, присваивает себе церковные средства. Именно поветовые старосты собирали информацию о православном духовенстве для вышестоящих инстанций в виде воеводских управлений и министерства вероисповеданий и народного просвещения. Староста пинского повета в характеристике от 1936 г. на священника Симеона Андруцкого, запрошенной из министерства вероисповеданий и народного просвещения, в связи с его обращением об оказании материальной помощи, вызванным сложными материальными обстоятельствами, отмечает, что священника подозревают в присвоении церковных денег [2, л. 14–15]. При этом в личном деле нет никаких материалов, подтверждающих эти подозрения. Таким образом, в своих выводах поветовый староста основывается исключительно на слухах. Тем более, при существовании подобных фактов, старосты обычно начинали расследование.

Священника Симеона Андруцкога поветовый староста обвинял и в *злоупотреблении спиртным*. Хотя в личном деле не было никаких намеков на то, что отца Симеона видели в нетрезвом состоянии. Выходит, что вывод властей основывался исключительно на слухах [2, л. 14–15].

Наибольший интерес в нашем исследовании вызывает дело священника Николая Беллюстина. В ноябре 1930 г. произошел дорожный инцидент, после которого отца Николая уволили за штат. Николай Беллюстин возвращался домой на телеге после исповеди прихожанки из соседней деревни. Отец Николай следующим образом объясняет происшествие: «напуганная автомобилем лошадь рванула, и я выпал из воза» [6, л. 4]. В это время мимо проезжал воевода А. Крахельский, который решил, что священник пьян. В результате епископа Александра вынудили отправить отца Николая за штат [Там же, л. 26]. Необходимо отметить, что Николай Беллюстин был инвалидом (ампутирована правая нога). Церковные власти как могли поддерживали отца Николая, и до своей смерти (1936) он ездил по епархии и помогал другим священникам, которые чаще всего из-за болезней не могли исполнять обязанности [Там же, л. 5].

Николай Беллюстин пытался оправдаться перед административными властями, регулярно писал прошения на имя воеводы с просьбами разрешить ему быть настоятелем какого-нибудь прихода в пределах Полесской епархии.

Анализируя составленные старостой характеристики на Николая Беллюстина с 1930 г. по 1936 г., мы обратили внимание, как они меняли свое содержание, становясь все более негативными. Если в 1930 г. староста признавал, что священник пользуется авторитетом у прихожан, то в 1935 г., по его мнению, Николай Беллюстин оказывал на православное население исключительно деморализующее воздействие [Там же, л. 33–34]. А в 1931 г. кобринский староста подал запрос в воеводское управление о том, стоит ли держать Николая Беллюстина на особом контроле, если он ни в какой антигосударственной деятельности замечен не был [Там же, л. 21].

Социокультурные стереотипы не распространялись на священников, отстаивавших польскую государственность в советско-польской войне. Таких немногочисленных священников административные власти поддерживали во всех начинаниях. Например, священник Александр Белецкий, награжденный за участие в советско-польской войне, являлся даже членом местного самоуправления на уровне гмины [5, л. 27].

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Православное духовенство в возрожденном польском государстве воспринималось через призму стереотипов, выработанных в среде польской общественности в предшествующий период Российской империи. Отношение польской общественности к православным священ-

никам выражалось в виде предубеждений относительно политических предпочтений, культурных ориентиров, а также моральных качеств. Поветовые старосты в своих характеристиках на отдельных священников использовали устаревшие стереотипы, в соответствии с которыми последние являлись монархистами, русификаторами, стяжателями, а также злоупотребляли алкоголем. Тщательный анализ материалов личных дел свидетельствует о том, что подобные характеристики основывались на непроверенной информации. Необходимо подчеркнуть, что польские административные власти, высказывая подобные суждения, стремились показать православное духовенство в негативном ключе.

1. *Багдановіч, В. В.* Царква і дзяржава: выбраныя артыкулы і прамовы / Вячаслаў Багдановіч ; уклад., прадм., пер. з пол. мовы Аляксандра Горнага. – Мінск : Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора, 2019. – 204 с.

2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 11. Д. 15. Личное дело православного священника Андруцкого Симеона.

3. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 11. Д. 39. Личное дело православного священника Баклановича Питирима.

4. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 11. Д. 78. Личное дело православного священника Бегалловича Симеона (Шимона).

5. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 11. Д. 85. Личное дело православного священника Белецкого Александра.

6. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 11. Д. 91. Личное дело православного священника Беллюстина Николая.

7. *Липпман, У.* Общественное мнение / Уолтер Липпман ; пер. с англ. Е. Абаевой. – М. : АСТ, 2023. – 448 с.

8. *Самосюк, Н. В.* Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : моногр. / Н. В. Самосюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2019. – 207 с.

9. *Свитич, А. К.* Православная церковь в Польше и ее автокефалия / А. К. Свитич // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии (1917–1950 гг.). – М., 1997. – С. 89–298. – (Материалы по истории Церкви, кн. 14).

10. *Скурат, К. Е.* История поместных православных церквей / К. Е. Скурат. – М., 1995. – 260 с.

11. *Цымбал, А. Г.* Праблема беларусізацыі праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. Г. Цымбал // Религия и общество – 5: актуальные проблемы свободы совести : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 6 мая 2010 г. / Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова; под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев, 2010. – С. 81–84.

12. *Krasowski, Kr.* Związki wyznaniowe w II Rzeczypospolitej: Studium historycznoprawne / Kr. Krasowski. – Warszawa ; Poznań : Państw. wyd. nauk., 1988. – 355 s.

13. *Papierzyńska-Turek, M.* Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia w 1918–1939 / M. Papierzyńska-Turek. – Warszawa ; Poznań : Państw. wyd. nauk., 1989. – 482 s.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 10.12.2024.